

ЭТНИЧЕСКОЕ И ГРАЖДАНСКОЕ В ПРОЦЕССАХ ФОРМИРОВАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ГРАЖДАН НА ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ

ВОЛКОВА Алина Евгеньевна, кандидат политических наук, доцент кафедры связей с общественностью, Воронежский государственный технический университет, адрес: 394006, Россия, г. Воронеж, ул. 20 лет Октября, д. 84, email: alina-voikova@ro.ru.

Аннотация. Цель исследования - изучение соотношения этнического и гражданского в процессе формирования государственной национальной политики в регионах, где русские являются коренным населением, и в национальных республиках, а также рассмотрение наиболее острых противоречий в указанном политическом процессе. Представлено сравнение процесса реализации государственной национальной политики в регионах Центральной России и в национальных республиках.

Также автором была дана оценка реализации концепции «российской нации» в регионах, где русские являются коренным большинством, и в национальных республиках. В результате автором делается вывод о том, что существующие концепции как на федеральном, так и на региональном уровнях, носят сугубо теоретический характер, поскольку они сложны в реализации и не содержат необходимых инструментов по окончательному оформлению гражданской идентичности «россиянин». Во-вторых, несмотря на длительный период теоретического оформления понятия «россиянин», принять его не готовы жители национальных республик. В-третьих, до сих пор в настоящее время остаются сильными этнократии в национальных республиках, которые не стремятся к включению в единую гражданскую нацию «россияне». Все эти факторы в совокупности приводят к отсутствию гармонии в формировании единой гражданской идентичности «россияне».

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, национальная политика, государственная идентичность, межнациональные конфликты

ETHNIC AND CIVIL COMPONENTS IN THE DEVELOPMENT
OF THE NATIONAL IDENTITY OF CITIZENS IN RUSSIA

VOLKOVA A. E., Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public Relations, Voronezh State Technical University (Russian Federation, Voronezh), e-mail: alina-volkova@ro.ru

Abstract. The purpose of the article is to study the correlation of ethnic and civil in the process of forming state national policy in regions where Russians are the indigenous population and in national republics, as well as to consider the most acute contradictions in this political process.

A comparison of the process of implementing the state national policy in the regions of Central Russia and in the national republics is provided.

The author also assessed the implementation of the concept of the "Russian nation" in regions where Russians are the indigenous majority, and in national republics.

As a result, the author concludes that at present the state national policy in the Russian Federation has not been fully formed both from a conceptual and practical point of view. It emphasized that the existing concepts at both the federal and regional levels are purely theoretical in nature and despite the long period of theoretical formalization of the concept of "Russian", residents of national republics are not ready to accept it. It is stressed that there are still strong ethnocracies in the national republics that do not seek to be included in a single civil nation "Russians". All these factors together lead to a lack of harmony in the formation of a single civic identity "Russians".

The conducted research is of interest to specialists in the field of designing and implementing state national policy in the Russian Federation.

Keywords: ethnic identity, civic identity, national politics, state identity, interethnic conflicts.

***Основные положения Конституции России 1993 года:
первый «острый угол»***

Обращение к проблемам нациестроительства в Российской Федерации во временном контексте ставит перед исследователем важный вопрос изучения концепций политизации этничности и этнизации политики. Для начала необходимо определить, какой из двух процессов наиболее применим именно к РФ. Американский исследователь Дж. Ротшильд объясняет политизацию этничности ее мобилизацией, вызванной неравномерностью процессов экономической и социальной модернизации. Борьба за ресурсы привела к активизации этнополитических движений за свои права и привилегии, что превратило их «в собственно политическую силу, с целью изменения или закрепления сложившихся в обществе конкретных форм неравенства среди этнических групп» [2, с. 360]. Таким образом, политизация этничности наблюдается в наиболее сложные с экономической, социальной и политической точки зрения времена, когда происходит максимальное объединение представителей одного этноса для достижения собственных целей.

Параллельно с концепцией политизации этничности существует и другой подход – этнизация политики. Отечественный исследователь Э. Паин характеризует данный подход как «исследование этнокультурных особенностей политической активности разных этнических групп» [2, с. 362]. Таким образом, этнизация политики подразумевает более глубинное изучение культурных особенностей тех или иных этносов, а также влияние этих традиций на стиль жизни, уклад и политическое устройство того или иного государства. В рамках данного исследования нам представляется, что именно процесс политизации этничности приобрел наибольшее значение, а также наиболее явно повлиял на государственную национальную политику в Российской Федерации, в особенности в конце 1980-х – начале 90-х годов.

Вместе с тем этнический фактор серьезно повлиял и на государственное устройство Российской Федерации. Российский исследователь В. Стрелецкий отмечает, что этнический фактор – «один из главных в ряду движущих сил, определяющих процесс регионализации России и ее уникальное культурно-географическое разнообразие» [19, с.29].

Проблематика государственной национальной политики впервые проявила свою актуальность в конце 80-х годов XX века. По оценкам зарубежных исследователей, СССР распался потому, что «в 1980-е годы все акторы пришли к убеждению, что существующая советская система не имеет больше будущего» [17, с. 15].

Именно тогда начали усиливаться центробежные тренды на выход отдельных национальных государств из состава СССР, результатом которых стали «парад суверенитетов», распад государства и формирование новых стран на карте мира. Важно отметить, что данные тенденции формировались в первую очередь лидерами партий и движений националистической направленности в бывших союзных республиках, которые проводили планомерную и взвешенную линию на отделение

своих республик и образование собственных государств. Подобные взгляды получали широкую поддержку среди представителей титульной нации, как это было на Украине, в Грузии, странах Прибалтики.

Вместе с тем получение Россией статуса независимой страны повлекло за собой ряд проблем не только в экономической, но и в сфере межнациональных отношений, поскольку в начале 90-х годов стал подниматься вопрос о независимости национальных республик, выходе их из состава России и оформлении независимых государств. «Парад суверенитетов», происходивший внутри РСФСР в начале 1990-х годов, явился главной причиной выделения самостоятельных республик, которые основывались на принципах национального большинства и, как следствие, на интересах титульной нации. Отметим, что к 1992 году на территории РСФСР все 16 автономных республик объявили о своей независимости. К числу подобных можно отнести республики Татарстан, Башкортостан, Дагестан, Чечня, отделившаяся от нее летом 1992 г. Ингушетия и другие. Заключенные с этими республиками договоры с федеральным центром в значительной степени снижали свободы и социально-экономический потенциал указанных регионов, с другой стороны, дали мощный вектор к развитию федерализма в стране. Вместе с тем процесс федерализации протекал достаточно сложно, причем не всегда к принятию решений удавалось прийти без использования не самых легальных способов убеждения. По словам В. А. Тишкова, убеждение лидеров национальных республик подписать федеративный договор происходило путем «определенного числа подаренных автомобилей, идентичного числу подписей под текстом соответствующих документов» [18]. С течением времени ряд национальных республик (Татарстан, Якутия, Башкортостан) перестали платить налоги в федеральный центр, а также посылать призывников на обязательную военную службу в ходе призывных кампаний.

В декабре 1993 года была подписана новая Конституция, в которую были внесены изменения, касающиеся отношений федерального центра и республик. Так, республики хоть и были квалифицированы как суверенные, то есть независимые, обладающие правами вести собственную экономическую деятельность и развивать собственные контакты с другими государствами, но в документе не были разграничены полномочия между федеральным центром и республиками. Голосование по принятию Конституции прошло достаточно сложно: если регионы, в которых большинство населения – русские, документ ратифицировали, то в этнически окрашенных субъектах ситуация обстояла иначе. Зарубежный политолог К. Росс предлагает статистику результатов голосования [19]: за принятие документа проголосовали 38,2 % в Адыгее, 40,7 % – в Башкортостане, 39,9 % – в Чувашии, 24,8 % – в Дагестане, 27,4 % – в Карачаево-Черкесии, 29,7 % – в Туве. Кроме того, в пяти республиках Конституция в принципе не была ратифицирована из-за низкой явки (менее 50 %): в Ингушетии на голосование пришло 46 % населения, в Хакасии – 45,6 %, в Коми – 47,2 %, в Марий Эл – 46,8 %, в Удмуртии – 44,2 %. В Татарстане явка была

катастрофически низкой и составила всего 13,4 %, что стало лакмусовой бумажкой для федерального центра о перспективах роста сепаратистских настроений в стране.

В этом же году начали проявляться первые сепаратистские тенденции. Например, Татарстан заявил о бойкотировании парламентских выборов и референдума по Конституции. Это был прямой вызов и акт неповиновения федеральному центру. Как отмечает российский политолог М. Губогло, договор между федеральным центром и Татарстаном, несмотря на признание суверенитета и конституции республики, существенно ограничивал независимость субъекта и останавливал его выход из состава страны [7]. Этот договор позволил республике получить уникальное право на использование природных ресурсов субъекта (республика богата нефтяными и газовыми месторождениями) и на установление собственных отношений с третьими странами без участия федерального центра. Необходимо отметить следующую важную деталь: Конституция Республики Татарстан 1992 года утверждала преимущество собственных законов над иными документами и актами.

В течение трех лет, до 1996 года, федеральному центру удалось заключить договоры с другими восемью национальными республиками. При этом вся полнота политической власти и экономических преференций осталась только у Татарстана и Башкортостана. Приблизиться к таким благоприятным условиям для независимого развития смогла Чечня после заключения в 1997 году договора «О мире и принципах взаимных отношений». Таким образом, к 1997 году в Российской Федерации сложилась парадоксальная ситуация: одни субъекты объявляли о приоритете собственного законодательства над федеральным (Татарстан, Башкортостан, Кабардино-Балкария), другие в косвенной или даже прямой форме заявляли о выходе из состава РФ (Тува, Бурятия), третьи оставляли за собой право приостановить действие законов РФ, если те противоречат их собственным (Саха, Тува, Коми).

Остановимся на рассмотрении центробежных трендов в субъектах РФ, поскольку они напрямую влияли на рост сепаратистских настроений и приоритет этнической составляющей над гражданской. Так, в 1995 году был проведен опрос, в ходе которого респонденты, являющиеся представителями политической элиты и интеллигенции, должны были решить, останутся ли их субъекты в составе РФ. Как отмечает российский социолог Л. М. Дробижева, за выход из состава России выступили 60 % политической элиты и 80 % интеллигенции. При этом все, высказавшиеся утвердительно, этнически были татарами [9]. Схожая политическая ситуация наблюдалась и в других национальных республиках. В результате всех негласных согласительных мероприятий Татарстан оказался в наиболее выгодном положении в сравнении с другими республиками, поскольку именно данному субъекту было передано максимально возможное количество полномочий. И результативность подобной политической работы в первую очередь зависела от эффективной и слаженной работы этнократии.

Естественно, в подобных сложных с политической и социальной точки зрения ситуациях говорить о существовании выверенной и успешно реализуемой государственной национальной политики не приходится. Во-первых, элиты заняты войной за собственную независимость. Во-вторых, в национальных республиках и речи не шло о том, чтобы полноценно интегрироваться в национальный состав России, поскольку предполагалась полноценная независимость от страны. В-третьих, искусственно созданная гражданская идентичность «россиянин», которую мы рассмотрим в дальнейшем, исключала приоритетный для национальных республик компонент – этнический. Таким образом, Конституция 1993 года, сам процесс ее принятия, политические торги вокруг отстаивания независимости от федерального центра стали первым «острым углом» в процессе реализации государственной национальной политики в 1990-е годы.

Этнократии национальных республик: второй «острый угол»

Как мы отметили выше, успехи Татарстана в получении максимально возможной независимости в сравнении с другими национальными республиками объясняются силой и политическим весом этнократии как в 1990-е годы, так и в настоящее время. Отношение к данному термину достаточно неоднозначное. Так, российский политолог В. Волков определяет этнократию как мутанта, «который долго вызревал в «инкубаторе» авторитарно-бюрократической системы, это социально-политический монстр, свойства которого формировались целым рядом связанных с данной системой обстоятельств» [4, с. 41]. Косвенно данная точка зрения о природе этнократии подтверждается и зарубежными исследователями. Упомянутый нами ранее Г. Симон отмечает, что в период голосования по принятию Конституции в республиках происходит серьезная этнизация политических элит «в пользу соответствующих титульных наций» [17, с. 30]. И данное явление нашло свое выражение в следующих действиях. Во-первых, в число руководителей в правительствах, администрациях начинают входить только представители титульных наций. Во-вторых, президентами республик становятся только те кандидаты, которые опять-таки являются представителями титульной нации (данный тренд был сломлен лишь в Республике Дагестан, когда главой там стал Владимир Васильев – уроженец Московской области). В-третьих, в национальных республиках главы правительств назначаются президентом, тогда как в русских регионах данная должность выборная. Г. Симон также делает акцент на том, что с 1995 года происходила серьезная этнизация как исполнительных, так и законодательных органов власти. Например, в 1995 г. в обеих палатах парламента башкирами были 41 % и 56 % парламентариев. Данная тенденция (даже в большей степени) была характерна для Татарстана. Например, в 1994 году 73 % депутатов были этническими татарами, кроме того, 78 % лиц, занимавших ведущие места на руководящих должностях, также были татарами. Можно было бы предположить, что данная тенденция связана с тем, что в национальных республиках проживает недостаточ-

ное число русских, однако в 1990-е годы в Татарстане проживало 48,3 % татар и 42,5 % русских.

В нулевые годы началось строительство вертикали власти президентом Владимиром Путиным, которое выразилось в подписании новых договоров с национальными республиками, значительно сокративших их преференции в сравнении с русскими регионами. Однако на этническом составе элит это мало отразилось. Так, в трех регионах страны в начале 2000-х годов 100-процентная этнизация правительства наблюдалась в Дагестане, Ингушетии, Чечне. В других субъектах процент этнической однородности представителей органов власти снизился: так, в Татарстане он составлял 84 %, в Карачаево-Черкесии – 80 %, в Тыве – 79 %, в Башкортостане – 59 %. Кроме того, в нулевые годы появился тренд на назначение русских губернаторов в этнические регионы. Например, руководителями Республики Алтай в разное время были А. Лебедь и А. Бердников, Бурятии – В. Наговицын. Вместе с тем в 2019 году на пост главы Калмыкии был назначен Бату Хасиков – этнический калмык.

Важный момент в анализе этнизации элит и формировании этнократии – изучение этнического состава силовых ведомств в национальных республиках. Российский политолог А. Сидоренко провел масштабное исследование этнического состава МВД, ФСБ, ПРОК, ГФИ, в его основе – анализ биографий руководства указанных ведомств. По итогам исследования автор выяснил, что «если в тенденцией 90-х было то, что практически все силовики были местные и, как правило, связанные <...> с губернатором, то тенденцией 2000-х стало то, что силовики стали лояльны к федеральному центру» [19, с. 102].

Важным маркером влияния этнократии и, как следствие, «острым углом» в реализации государственной национальной политики стали дискуссии вокруг должности и статуса президента в республиках в составе России в 2010-е годы. В каждой национальной республике Российской Федерации глава имел статус президента – полноценного руководителя, который по своим статусу и полномочиям равен или даже превосходит президента федерального центра. Соответственно, указанный статус имел особый символический смысл, помимо официального. В условиях политических трансформаций 1990-х годов вопрос о единственном президенте в стране не мог быть поднят из-за опасности роста сепаратистских настроений и выхода из состава страны большинства национальных республик.

Вместе с тем в нулевые годы, когда начался процесс выстраивания вертикали власти, стали звучать первые идеи о необходимости в стране одного президента при наличии остальных руководителей в статусе главы субъекта страны. Объяснялось это тем, что, несмотря на федеративное устройство, у единой страны должен быть единственный руководитель государства в статусе президента, для того чтобы тлеющие очаги сепаратизма окончательно затухли. Можно с уверенностью сказать, что именно в нулевые годы начались процессы по установлению догово-

ренностей об отказе от статуса президента республики. Политологи косвенно или явно отмечали, что в некоторых субъектах необходимо было прибегать к механизму крупных финансовых инвестиционных вливаний, снижению долговой и налоговой нагрузки, всестороннему стимулированию наращивания материальных благ политическими элитами указанных субъектов.

Однако в период 2010-х годов вопрос о единственном президенте в стране снова был поднят. Первым от статуса президента республики в августе 2013 г. заявил отказ глава Чеченской Республики Рамзан Кадыров. Он мотивировал свое решение тем, что в единой стране должен быть один единственный президент. Следом за ним от высокого наименования должности отказались главы Адыгеи, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и других субъектов СКФО. 13 сентября 2010 года в Государственную Думу был внесен законопроект по переименованию должностей глав республик. Виктор Усачев, занимавший тогда должность главы Комитета Госдумы по делам Федерации и региональной политике, отметил, что в одном, целостном государстве должен быть «один президент, а высшие должностные лица республик, регионов должны называться по-другому»¹. Уже в декабре 2010 г. Госдума окончательно запретила называть президентами глав субъектов России. К сентябрю 2013 года от наименования «президент» не отказались только руководители Татарстана и Башкортостана. За отказ от переименования должностей глав республик, вплоть до выхода из состава России, выступили организации «Кук буре» и «Азатлык», которые в своих субъектах были известны как правозащитные с националистической направленностью. К декабрю 2013 года глава Башкортостана, несмотря на общественное мнение организаций молодых националистов, также отказался от президентства. Таким образом, президент остался только в Республике Татарстан, что в очередной раз подчеркивало особый статус субъекта.

После ухода с поста главы Татарстана М. Шаймиева его место занял Р. Минниханов. Федеральный центр вновь попытался решить вопрос с излишним количеством президентов в пределах одного государства. Однако в 2017 году депутаты РТ выступили с обращением к президенту В. Путину с просьбой сохранить уже существующее название главы субъекта. Основная мотивация заключалась в том, что население республики «голосовало за президента Татарстана», поэтому было принято решение о сохранении наименования вплоть до окончания срока работы Р. Минниханова, то есть до 2020 г. Параллельно в 2017 году закончился срок действия договора о разграничении полномочий между федеральным центром и Татарстаном, продлевать который власти страны не посчитали нужным.

Очередная волна споров о возможности существования президента Татарстана началась в октябре 2021 года, когда была запущена работа над законопроектом о единообразном наименовании всех руководителей субъектов страны. Татарские

¹ Прим.: В ГД внесли законопроект о переименовании должностей глав республик [Электронный ресурс]. –URL: <https://ria.ru/20100913/275231952.html> (дата обращения: 02.08.2021).

парламентарии вновь выступили против, однако пресс-секретарь президента Д.С. Песков назвал их позицию всего лишь одной из множества. Как отметил политолог А. А. Пожалов, «Татарстану предложена неформальная сделка – отказ от давно отмененного законом «президентства»¹ [в обмен] на возможность нового срока», а по мнению политолога Константина Калачева, отказ «Минниханова от президентства будет носить очень символический характер. Конец эпохи»².

В настоящее время политологи отмечают влияние этнократии Татарстана на лоббирование разрешения на ввоз мигрантов из Средней Азии. Вице-премьером в России является М. Хуснуллин, этнический татарин, один из инициаторов увеличения числа мигрантов из культурно и ценностно чуждых русскому населению стран (Таджикистан, Узбекистан). Несмотря на протесты со стороны мэра Москвы С. Собянина, представителей силовых ведомств, министр и татарская этнократия выступают за увеличение количества мигрантов-мусульман. В связи с тем что в Татарстане до сих пор не готовы отказаться от наименования должности «президент» для главы республики, политологи полагают, что на татарское лобби в вопросе ввоза мигрантов-мусульман может быть оказано мягкое политическое воздействие.

В подобных условиях крайне сложно реализовывать государственную национальную политику, поскольку, с одной стороны, этнократии в республиках не готовы мириться с тем, что единая нация будет в своем строительстве ориентироваться только на гражданскую составляющую, поскольку забываются культурные традиции и обычаи предков. С другой стороны, стремление Татарстана к независимости, выраженное в борьбе за сохранение наименования должности «президент» применительно к главе республики, также является одним из «острых углов» при реализации государственной национальной политики.

Асимметричный характер федерализма в России:

третий «острый угол»

Изучая тему реализации государственной национальной политики в Российской Федерации с начала 1990-х годов по настоящее время, мы выдвигаем следующую гипотезу. Данный политический процесс в стране находится на начальном пути, поскольку ему мешают шесть основных проблем. Одной из них является асимметричный характер развития федерализма в России. В рамках данного параграфа мы попытаемся доказать, что утверждение о характере государственного устройства является справедливым и обоснованным.

Начать следует с того, что само федеративное устройство страны было закреплено практически в трети статей Конституции от 1993 года. Именно эта власть в документе определяется как приоритетная. Несмотря на это, как мы отмечали выше,

¹ Прим.: Татарстан выступил против отмены поста президента республики [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-59033980> (дата обращения: 02.08.2021).

² Там же.

национальные республики негативно отнеслись к принятию документа и отвергли подписание федеративного договора. Такое недовольство было вызвано тем, что центр не включил в текст Конституции федеративный договор как ее составную часть. В этом проявилась попытка властей в Москве выровнять региональные различия в полномочиях, свободах, обязанностях, налоговых и экономических преференциях между национальными республиками и областями и краями, в которых большую часть населения составляют русские. Подобная благая попытка со стороны федеральных властей привела к укреплению позиций этнократий в национальных республиках, усилению сепаратистских трендов и недовольства населения.

Данные проблемы попытались урегулировать через заключение дополнительных гласных и негласных соглашений с руководством национальных республик. И эти попытки оказались удачны для политических элит национальных республик. Но вызвали и до сих пор вызывают вопросы у областей и краев, в которых большинство населения представлено русскими. В этой связи применительно к Российской Федерации стали использовать термин асимметричного федеративного устройства. И эта асимметричность выразилась в следующем. Во-первых, она заключается в достаточно высокой разнице в уровне и укладе жизни, природных условиях. Во-вторых, наличие сильных национальных республик в составе одной страны, тем более имеющих стремление к независимости и отделению (сепаратистские тенденции), может вызывать серьезную политическую нестабильность и этническую напряженность. В-третьих, указанные центробежные тенденции, которые привели к распаду СССР, могут стать миной замедленного действия в политическом дизайне Российской Федерации.

Часть исследователей, например российский политолог Л. Смирнягин, выступает против каждой из этих характеристик, отмечая, что все они были актуальны только для периода 1990-х годов, а в период нулевых эти проблемы были с разной степенью радикальности решены¹. Вместе с тем достаточно известным является тот факт, что многие регионы, в которых коренное население – русские, страдают от недостатка финансирования, находясь в статусе регионов-реципиентов. С одной стороны, есть Татарстан, в котором достаточно большое количество успешных лоббистов, способных включить регион в различные федеральные целевые программы для получения больших субсидий и средств для развития. С другой стороны, есть республики СКФО, в которых чрезвычайно высоким остается уровень безработицы, население не платит за услуги ЖКХ, но при этом именно в эти субъекты посылаются серьезные средства для развития. Вместе с тем большинство регионов-доноров для федерального бюджета – области и края, в которых русские являются титульной нацией.

¹Прим.: Смирнягин Л. Актуальна ли проблема асимметрии в современной России? // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 44– 59.

Подобное положение дел не могло устраивать остальные регионы, в особенности в 90-е годы. И такая асимметрия привела в числе прочего к провозглашению в 1993 году Уральской республики, которая не была признана федеральным центром и президентом Ельциным. Руководителем новой республики должен был стать Э. Россель, которого уволили с поста руководителя региона, республика не была признана, и ей было возвращено наименование Свердловский край, губернатором которого и стал Э. Россель в 1995 г., не потерявший своего политического веса и влияния. Для того чтобы образование Уральской республики не стало прецедентным для регионов, где большая часть населения – русские, в период с 1996 по 1997 год было заключено около 20 договоров. Это были «двусторонние договоры и правительственные соглашения о разграничении полномочий между органами власти с обеих сторон» [17, с.34]. При этом, по замечанию Г. Симона, при сравнении таких договоров с документами, заключенными с национальными республиками, довольно разительным выступал контраст в объеме выделенных русским регионам полномочий. Так, их суверенитет не признавался, они не обладали правом на распоряжение собственными недрами. Подобный дисбаланс сохранился и в конституциях последующих редакций.

Каким же образом асимметричность в развитии федерализма отразилась на реализации государственной национальной политики? В первую очередь отметим, что слова о государствообразующей роли русского народа появились только в Конституции 2020 года, до этого речь шла только о многонациональном народе Российской Федерации. Об этом мы подробнее поговорим в следующих параграфах. Во-вторых, русские регионы, понимая и осознавая, что им досталось меньше полномочий и преференций, скрыто или явно выражали недовольство подобным положением дел, что в 1990-е годы привело к образованию Уральской республики, а в нулевые – к лозунгам «Хватит кормить Москву!», что не способствовало укреплению межнационального мира и «российской нации».

Вместе с тем в последние годы отмечается, что регионализм стал не столь явным явлением в политической жизни страны. Российский политолог Н. Петров отмечает, что проблемы Российской Федерации заключаются «не в полиэтничности, а в полиэтнотерриториальности – привязанности множественной этничности к территории» [14, с. 394]. Таким образом, происходит ослабление регионализма в целом в государстве.

«Российская нация» как продукт конструктивистского подхода к нациестроительству: четвертый «острый угол»

Разговор о государственной национальной политике в Российской Федерации невозможен без рассмотрения концепта российской нации и подходов к формированию национальной политики в стране в историческом контексте.

В политической науке сформировались два основных подхода к изучению формирования наций в мире. Первый из них – примордиализм. Представители

данной научной школы рассматривали нацию как общность людей с одинаковым происхождением, антропологическими языковыми и территориальными признаками. Таким образом, для примордиалистов нация – «первозданный» и «естественный» феномен, являющийся первичной составляющей социальной данности [12, С. 36]. Один из основоположников примордиализма Э. Ренан отмечал, что нация представляет собой в первую очередь духовный принцип единения: «Два момента, которые в действительности одно и то же, образуют душу. Первый – это общее обладание богатым наследием воспоминаний, второй – это действительное согласие, стремление жить вместе и желание вносить вклад в общее наследие»¹. Данный подход к изучению нации продолжили развивать ученые О. Бауэр и К. Реннер. Они рассматривали это явление с психологической точки зрения.

Особое внимание уделялось вопросу самоидентификации личности, ее отношению к собственным историческим и культурным корням [6]. По мнению российского политолога Э. Паина, в российской политологии именно примордиалистский подход до сих пор остается главенствующим: «В России сегодня сложились два примерно равных неадекватных подхода к трактовке этнонациональных проблем» [2, с. 370]. Автор отмечает, что российским исследователям проблем нациестроительства свойственно «впадать в крайности» – кто-то придерживается крайней формы примордиализма, кто-то – конструктивизма. При этом, по оценкам Э. Паина, необходимо искать путь, который совмещал бы в себе оба концепта.

Второй подход к определению того, что такое нация, предполагает, что в основе общности людей, проживающих на одной территории, должны лежать не культурно-ценностные позиции, а политическое и социальное единство. Таким образом, конструктивизм предполагает, что нацию можно создать искусственно. Американский антрополог К. Вердери определяла нацию следующим образом: «Нация – это аспект политического и символического/идеологического порядка, а также мира социального взаимодействия и чувства. В течение многих веков она являлась важным элементом системы социальной классификации» [3, С. 297]. Российский политолог В. Тишков, автор термина «российская нация», о котором мы поговорим далее, предлагает следующее понятие: «Оно изначально служило инструментом отбора, тем, что сплачивает в общую массу одних людей, которых нужно отличать от других, существующих бок о бок с этими первыми. Критерии отбора менялись в зависимости от времени и контекста» [18].

В Российской Федерации, в связи с большим количеством проживающих на ее территории этносов, национальный вопрос никогда не терял своей остроты и актуальности. Несмотря на все заверения о решенности национального вопроса в СССР, события конца 1980-х – начала 90-х годов показали несостоятельность

¹ Прим.: Ренан Э. Что такое нация? Доклад, прочитанный в Сорбонне 11 марта 1882 года // Ренан Э. Собрание сочинений в 12-ти томах; Перевод с французского под редакцией В.Н. Михайловского. Т. 6. – Киев: Издание Б.К. Фукса, 1902. – С. 87– 101.

данной точки зрения. Выход республик из состава СССР в ряде стран сопровождался кровавыми противостояниями и межэтническими конфликтами, результатом которых становился массовый отъезд русских из Азербайджана, Таджикистана, Узбекистана. После распада СССР образовалось 15 полиэтничных государств, которые в своей государственной национальной политике выбрали для себя примордиалистский подход, то есть приоритет этнической составляющей над гражданской.

«Парад суверенитетов», прошедший внутри самой РСФСР, и предложение президента Б. Ельцина взять суверенитета столько, сколько хочется, никоим образом не помогли снижению напряженности в сфере межнациональных отношений и при реализации государственной национальной политики. В условиях реальной угрозы роста сепаратистских настроений и отделения крупных субъектов необходимо было найти объединяющую идею, которая была бы близка всем этносам и нациям на территории страны. И такая концепция впервые была предложена еще в 1991 году – концепция российской нации. По определению самого автора – академика В. А. Тишкова, «Россия есть нация наций, и никакой новой нации на месте многих старых наций формировать не нужно и не должно» [18]. То есть во вновь появившемся государстве, где большая часть населения – русские, приоритет должен отдаваться строительству гражданской нации, а этнический компонент не должен быть в приоритете для снижения сепаратистских настроений. Кроме того, В. Тишков дал еще одно определение: «Россия – это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством» [18]. В дальнейшем политолог отмечал, что именно ему удалось дать первое определение феномену «российская нация». Кстати, именно с этого момента президент Б. Ельцин ввел в свою речь оборот «дорогие россияне».

Вместе с тем скептическое отношение к термину «российская нация» высказывали как российские, так и зарубежные исследователи. По мнению Г. Симона, «термин «российская нация» включает в себе как в немецком, так и в русском языке нечто непривычное, даже искусственное» [17, с. 17]. Исследователь отмечает, что слово «россияне» несвойственно обычной лингвистической парадигме, выглядит чуждым и не имеет глубокого наполнения. В течение долгого времени это слово считалось устаревшим и вышедшим из употребления: ранее прилагательное «русский» ассоциировалось с русским этносом, а «российский» – с вопросами государственного значения. Кроме того, прилагательному «российский» до сих пор не найден эквивалент в английском языке, потому в 1995 г. В. Тишков предложил ввести прилагательное *Rossian*, однако эта идея также не прижилась в общественно-политическом пространстве.

В 1992 году, когда термину «российская нация» уже исполнился год, измени-

лось и отношение к соответствующим прилагательным. Так, слово «российский» стало обозначать территорию многонационального государства, а «россияне» – всех жители страны вне зависимости от их этнической принадлежности. При этом нужно отметить следующую деталь: несмотря на активное насаждение «российскости», далеко не все граждане новой страны были готовы перековать себя в россиян. Наоборот, представители национальных республик продолжали определять себя в первую очередь татарами, башкирами, чеченцами, тувинцами, а уже потом россиянами. С другой стороны, коренное русское большинство достаточно быстро откликнулось на идею гражданской идентичности, вследствие чего легче удалось имплантировать в круг их взглядов представления о толерантности, негативном отношении к этнической составляющей. В целом в 90-е годы из-за обострения сепаратистских настроений в Татарстане, Чечне (первая чеченская кампания за независимость республики Ичкерия), Башкортостане, Республике Якутии говорить об эффективно реализованной государственной политике крайне сложно. Во-первых, национальные республики достаточно высказывались о том, что не готовы забыть о своей культурно-ценностной общности в угоду федеральным интересам. Во-вторых, противоречия, перешедшие в «горячую» стадию конфликта, не давали органам власти и управления достаточного пространства для реализации всех положений нацполитики. В-третьих, в 90-е годы в ведомствах, ответственных за реализацию государственной национальной политики, происходили постоянные кадровые перестановки, и каждый новый руководитель видел принципы ее внедрения по-разному. Итогом всех трех факторов стала слабость, невыраженность государственной национальной политики, рост противоречий между примордиалистскими и конструктивистскими подходами.

В нулевые годы, в период выстраивания вертикали власти, особое место в информационной и политической повестке занимали вопросы столкновений с мигрантами, количество которых увеличилось в разы из-за «нехватки» собственных трудовых ресурсов¹. Отсутствие действующих мер по регулированию численности приезжих и их поведения на новой родине вызвало усиление ксенофобских настроений, которые иногда принимали неконтролируемые формы и приводили к убийству невинных людей. Тогда же особую популярность начали получать организации националистической направленности, которые в настоящее время внесены в список экстремистских организаций, их деятельность запрещена на территории страны (ДПНИ, «Славянский союз», ЭПО «Русские»). Параллельно с развитием русского националистического движения создавались и крупные, поддерживаемые большей частью общества партии и движения националистической

¹ Прим.: Слово «нехватка» мы сознательно берем в кавычки, поскольку в вопросах трудовой миграции в России большое место занимает нелегальная миграция и высокая коррупционная составляющая в работе контролирующих органов, а также демпинг цен на рынке труда в приоритетных отраслях экономики.

направленности в республиках. Самыми известными из них стали «Азатлык» в Татарстане и «Кук буре», «Башкорт» в Башкортостане. Подробное изучение этого периода в политической жизни Российской Федерации свидетельствует о том, что ни о какой выверенной государственной национальной политике с ориентацией на гражданский компонент говорить не приходится. Более того, слово «россиянин» в кругу общественности правых взглядов приобрело негативную коннотацию.

2010 год стал переломным для истории государственной национальной политики в связи с событиями на Манежной площади (убийство футбольного фаната Егора Свиридова мигрантами и последовавшие за этим многочисленные акции протеста). Коренное население выходило с лозунгами о необходимости снижения количества мигрантов в стране, о приоритете интересов коренного населения над интересами приезжих, а также впервые было высказано предположение о необходимости включить в Конституцию страны абзац, посвященный государствообразующему народу – русским. С подобной инициативой выступила партия ЛДПР¹.

В этот период ежегодно начинают проходить «Русские марши» – организованные шествия русских националистов под лозунгами «Хватит кормить Кавказ!», а также с различными антиэмигрантскими высказываниями. В коалиционном совете оппозиции в 2011 году была организована «правая курия», членами которой стали видные деятели националистического крыла. В регионах также была напряженная обстановка в сфере межнациональных отношений, поскольку из многих регионов даже Центральной России приходили известия о народных сходах, посвященных противостоянию приезжим как с Северного Кавказа, так и из Средней Азии.

Присоединение Крыма и последовавшие за этим события раскололи партии и движения националистической направленности с русской доминантой. Именно в период с 2014 по 2016 год в список экстремистских внесли наибольшее количество организаций, а «правая повестка» отошла на второй план. Парадоксальным образом именно в этот период разговоры о законе о «российской нации» стали звучать всё чаще. 31 октября 2016 года состоялось заседание Совета при Президенте РФ по межнациональным отношениям, на котором глава государства В. Путин заявил следующее: «Формирование российской идентичности – процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идет и в последние годы достаточно активно идет. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся всё более устойчивыми»². Как отмечает политолог А. Севастьянов, в общественно-политическом пространстве страны происходила борьба между концепцией гражданской идентичности и государствообразующей роли русского народа. И на момент этого президентского совета поддержку полу-

¹ Прим.: ЛДПР пойдет на выборы с лозунгом «За русских», заявил Жириновский [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/20110913/436566790.html> (дата обращения: 04.08.2021).

² Прим.: Заседание совета по межнациональным отношениям [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53173> (дата обращения: 04.08.2021).

чала концепция гражданской идентичности [16]. Помимо В. Тишкова, участие в работе совета принимал другой апологет проекта «российская нация» доктор исторических наук В. Михайлов. Однако он, являясь сторонником конструктивистской позиции, отмечал: «В отечественной ментальности – кстати, в этом вопросе мы схожи с немцами и с австрийской социал-демократией – понятие «нация» никогда не было связано с пониманием политической нации, а только – нации как этноса. Поскольку в самосознании это сохраняется, то вопрос о формировании «российской нации» вызывает определенные сомнения»¹. Из данного высказывания можно сделать вывод, что раз «российская нация», по оценкам В. Михайлова, проект этнически ориентированный, значит, в стране есть российский этнос. В том же интервью от 2007 г. В. Михайлов упомянул и опыт конструирования общности Советский Союз и признавал ее спорность: «Конечно, понятно желание политической консолидации всего многонационального народа страны в гражданскую нацию – «россияне» – «российскую нацию», но это не должно происходить в ущерб развития ни одного из народов России, в том числе русской нации как стержня российской государственности. Не надо забывать о горьких уроках поспешного форсирования создания новой исторической общности в СССР – «советского народа»². Спустя 10 лет позиции ученого резко изменились, и он выступал не просто за конструирование «российской нации», но и за принятие закона о «российской нации».

И в апреле 2017 года началось обсуждение федерального закона о «российской нации», в рамках которого исследователи столкнулись с отсутствием четкого определения основного концепта. В этой связи предварительно был составлен глоссарий, в котором рассматривались ключевые понятия. Есть там и «российская нация»: «Российская нация – это гражданско-политическая общность, консолидированная на основе исторической российской государственности, члены которой обладают равными правами независимо от этнической, расовой и религиозной принадлежности»³. Лишь в 2018 году в «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 года» появились сразу три интересующих нас определения.

Например, многонациональный народ Российской Федерации (российская нация) – «сообщество свободных равноправных граждан Российской Федерации различной этнической, религиозной, социальной и иной принадлежности, обладающих гражданским самосознанием»⁴. Таким образом, в «Стратегии...» признается только путь искусственного конструирования идентичности и создания общеграж-

¹ Прим.: В. Михайлов: «Слово «русский» у нас звучит только в негативном ключе» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.narodru.ru/article6529.html> (дата обращения: 04.08.2021).

² Там же.

³ Прим.: Российской нации дали определение [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/news/687767> (дата обращения: 04.08.2021).

⁴ Указ Президента РФ от 06.12.2018 № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики РФ до 2025 г.».

данской нации, о чем свидетельствуют последующие определения в указе президента. Вместе с тем эксперты достаточно настороженно относятся к выбору именно этой парадигмы и пути развития государственной политики. Как минимум из-за неудачного опыта Советского Союза. Учитывая, что жители национальных республик и в настоящее время в первую очередь определяют себя по этнокультурной принадлежности, возникает вероятность отторжения ими насаждаемой «российской нации». В этой связи выделим искусственно сконструированную «российскую нацию» как один из «острых углов» государственной национальной политики в стране, поскольку не учитываются этнические особенности народов, проживающих на территории РФ.

Соотнесение федеральных и республиканских концепций в сфере государственной национальной политики: пятый «острый угол»

Рассмотрение государственной национальной политики и успешности ее реализации невозможно без привлечения внимания к сравнению федеральных и республиканских концепций в сфере межнациональных и межэтнических отношений.

Нерешенный и даже обострившийся в 90-е годы национальный вопрос в Российской Федерации на первый план вывел возможность возникновения хаоса в политической системе новообразованного государства. Следует отметить, что именно во властном центре происходит генерация идей и политических практик, которые носят общий характер для всех членов государства, и, таким образом, происходит формирование социентальной интеграции. В дальнейшем подобная интеграция оказывает значимое влияние на политические процессы в управленческой сфере внутри государства.

Для преодоления деструкции в политическом процессе государству нужно принимать во внимание и негативные проявления движений русского и татарского национализма, национализма финно-угорских народов. С течением времени появляются и новые угрозы. Как отмечают В. И. Панькин и В. В. Лапкин, объектами активного воздействия радикальных исламистов, включая представителей так называемого Исламского государства (ИГИЛ – организация и ее деятельность запрещены на территории Российской Федерации), являются Татарстан, Башкортостан и республики Северного Кавказа. К субъектам Федерации с наиболее конфликтной межконфессиональной ситуацией относятся также Дагестан, Ингушетия, некоторые районы Дальнего Востока. Вызывает настороженность у исследователей межэтнических отношений и ситуация в Краснодарском и Ставропольском краях. Кроме того, ряд областей Забайкальского края также находятся под влиянием деструктивных тенденций.

Отечественный ученый А. В. Дахин, изучающий особенности политического управления, считает, что на исходе второго президентского срока В. В. Путина сложились четыре модели взаимодействия федерального центра с российскими регионами (субъектами РФ). А. В. Дахин отмечает их серьезное отличие друг от

друга, что не исключает противоречивость государственной национальной политики и политики по отношению к российским регионам. Первая модель, именуемая исследователем «Национальные регионы», относится к тем регионам страны, в которых статусом титульного этноса обладают татары, башкиры, чеченцы (национальные республики). Особенности данной модели взаимодействия федерального центра и регионов является концентрация власти в руках политических и финансовых этнических структур, которые в принятии решений в высокой степени ориентируются на главу региона.

Система регламентации межэтнических и межконфессиональных отношений в Российской Федерации конструируется на разных уровнях управления, включая как федеральные ведомства, так и региональные и муниципальные (отделы по управлению общественными связями с населением). Наиболее полномасштабной за последнее время стала ФЦП «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России», принятая постановлением Правительства Российской Федерации 20 августа 2013 года. В ней закреплены основные направления развития концепта «российская нация» на территории всей страны, а также основы сохранения этнокультурного многообразия коренных и малочисленных народов России. В рамках данной программы задействованы общественные организации наций и этносов, конкретные районы со сложным этническим составом, нуждающимся в дополнительной помощи для разрешения противоречий.

Важную роль в регулировании политических процессов играет концепция государственной миграционной политики РФ до 2025 года, которая была утверждена Президентом РФ 7 февраля 2008 года. В ней на федеральном уровне определены основные направления миграционной политики: внутренняя и внешняя миграция, ключевые нормы и правила, регулирующие как поведение лиц, приезжающих на территорию РФ из-за рубежа, так и требования к работодателям, принимающим на работу иностранных граждан. Еще одним документом, регулирующим протекание политических процессов на территории Российской Федерации, является «Концепция общественной безопасности», утвержденная Указом Президента РФ от 20 ноября 2013 года¹. В данном документе поднимаются основы регулирования этноконфессиональных отношений, вводится и дается определение понятию «общественная безопасность».

Наряду с концепциями как ключевыми документами, формирующими основы этноконфессиональной политики и управления, за период с 2010 по 2015 год был опубликован ряд стратегий, направленных на противодействие терроризму и экстремизму, в частности «Стратегия национальной безопасности до 2020 года», утвержденная Указом Президента РФ от 12 мая 2009 г. В ней подробно расписы-

¹ Кроме того, внимание уделяется также и понятию противодействия негативным проявлениям национализма, в частности экстремизму, терроризму и сепаратизму. Указанные концепции в общем виде формируют на федеральном уровне основы регулирования этноконфессиональных процессов.

ваются понятия национальной безопасности, факторы ее разрушения и методы борьбы с негативными проявлениями национализма. Что касается программ на региональном уровне, то ключевой является концепция сохранения идентичности того или иного народа, проживающего на территории национальных республик или национально-культурных автономий на территории страны. Все концепции построены практически по одному образцу и ставят перед собой цель сохранения этнокультурного многообразия, исторических традиций, признание роли того или иного этноса в формировании современного Российского государства.

Несмотря на наличие стратегий, программ и проектов, задействованных при реализации государственной национальной политики, крайне сложно говорить о степени эффективности такой политики и, соответственно, об эффективности ее механизмов. В данном разрезе важна направленность вышеназванной политики. В этой связи автор диссертационного исследования полагает, что на протяжении двух десятков лет институт государства не мог окончательно определиться по поводу направленности политических процессов: идти по пути этнической идентичности (русских как большинства и других этнических общностей как меньшинств) или идти по пути формирования гражданской идентичности (россиян).

В данной связи важно определение направленности идентичности. Этнические идентичности, по мнению Г. Гарфинкеля предполагают действия, посредством которых члены производят обстановку «организованных повседневных занятий и управляют ей, идентичны процедурам, при помощи которых члены делают эту обстановку «объяснимой» [5, С. 110]. С другой стороны, гражданская идентичность, по оценке И. С. Семеновки, формирование гражданской нации предполагает совокупность нескольких составляющих: гражданственности, общественной (социальной) солидарности, неприятие и общественное осуждение отдельных, выделяющих деструктивных проявлений национализма. Именно эти элементы при правильном управлении складывают основу гражданской идентичности, на которой и может быть построена политическая нация, лишенная примеси этнических настроений.

Более системно проблему этнической идентичности разработал российский исследователь А. Л. Зверев¹ [10]. Важно также отметить, что неопределенность ин-

¹ «Этническая идентичность вырабатывается в процессе социального конструирования реальности (в ходе приведения в систему информации о мире, организации этой информации в связанные структуры с целью постижения ее смысла) на основе социального приписывания к той или иной этнической общности... Процесс, формирующий самосознание, начинается с усвоения языка, норм, ценностей культуры, в ходе социализации в конкретной культурной среде, которая и воспроизводит процесс адекватной самоидентификации, проявляющейся в правильном приписывании собственного самоназвания, игнорирующей в сознании людей. Идентичность, определяющая дальнейшее направление всей жизнедеятельности индивида в рамках данной социокультурной среды, является конечным продуктом этой идентификационной цепочки». Цит.: Зверев А.Л. Этническая идентичность в условиях политической трансформации постсоветского периода: политико-психологический анализ // Вестник МГУ. – Серия 12. Политические науки. – 2006. – № 1. – С. 29– 30 .

ституты государства в выборе направленности политических процессов и формировании идентичности, когда данный институт идет фактически параллельными путями поддержки и гражданской идентичности, и этнической идентичности, во многом определено отсутствие национальной (объединяющей) идеи. Как полагает В. Багдасарян, классическая развертка государственной политики – ценности – цели – средства – результат, однако на установление ценностей на уровне государства в РФ установлено табу. Автор отмечает, что, согласно ст. 13 Конституции России, в стране на государственном уровне запрещена любая идеология, которая имела бы аккумулятивный характер для всего населения. В связи с этим у В. Багдасаряна возникает предположение о том, что без структурированной и выстроенной идеологии, ценностей, значимых для каждого жителя страны в равной степени, невозможно говорить и о модернизации общества, о некоем урегулированном будущем в среднесрочной и долгосрочной перспективе.

Для принятия оптимальных решений, оптимальной государственной политики имеется два основных приема (две процедуры), выборы из альтернативных вариантов с последующим вынесением окончательного вердикта. Это консенсус и голосование. Российский исследователь С. В. Картунов уверен, что самоопределение страны должно отражать если не консенсус, то достаточно широкое общенациональное согласие по ряду ключевых вопросов [11, с. 34]. При этом сложность формирования и осуществления государственной национальной политики России обусловлена отсутствием консенсуса по главным элементам данной политики. Какая идентичность – гражданская или этническая – должна находиться в основе данной государственной политики? Кого из этнических общностей нужно поддерживать государству в большей мере: титульную нацию или национальные меньшинства? Стоит ли закреплять в Конституции РФ государствообразующую роль русского народа? Поэтому в повестке дня национального государственного регулирования по-прежнему находятся «поиски адекватных ответов на риски доминирования этнического самосознания и групповых идентичностей»¹.

Вместе с тем сама логика политических процессов требует от власти и этнических общностей достижения возможного соглашения, по крайней мере, по трем объектам разделения. По мнению Дж. Сартре, выделяются следующие типы объектов: 1) конечные цели, которые составляют структуру системы представлений; 2) правила игры, или процедуры; 3) конкретные правительства и правительственная политика. Эти объекты консенсуса – неконсенсуса могут быть трансформированы, соответственно, согласно анализу Истина, в три уровня консенсуса: 1) консенсус на уровне сообщества, или основной консенсус; 2) консенсус на уровне сообщества,

¹ Прим.: Семененко И.С. Национальное государство и национальная идентичность: смена парадигмы // Власть и политика: институциональные вызовы XXI века. Политическая наука: ежегодник, 2012 / Российская ассоциация политической науки – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012 – С. 227.

или процедурный консенсус; 3) консенсус на уровне политики [15, С. 123].

Государство как институт и как актор политического процесса вовлечено в различные формы политики, которые, по Г. Алмонду и Дж. Пауэллу, разделены на четыре направления: 1) извлечение ресурсов; 2) распределение; 3) регулирование человеческого поведения; 4) символические процедуры – политические речи, празднества, церемонии, монументы и памятники [1, с. 240].

Период 90-х годов XX века, когда политические процессы в постсоветской России могли привести к распаду единой страны (фрагментированию политики) и образованию новых государств, включая Татарстан и Чечню, Российское государство не допустило такого радикального сценария, как сецессия. Вторую задачу – снижение масштабов и остроты этнополитических конфликтов – частично удалось решить в период 90-х годов и во многом за 2001–2015 гг. В частности, удалось разрешить военный конфликт с Чечнёй (Ичкерией), остановить сепаратистские тенденции ряда автономий (Татарстан, Башкортостан, Саха (Якутия) и др.), сепаратизм финно-угорских и других народов на конструктивной основе («...трансформировать конфликт ценностей в конфликты интересов, т.е. в конкуренцию или прямо в кооперацию»¹).

Третья задача в проекции центр – периферии в целом также была разрешена на рубеже 2000-х годов путем трансформации территориально-государственного устройства и становления новых федеративных отношений (у центра – свои функции, у субъектов – свои). Данная основа была укреплена с появлением надрегиональных государственных структур (полпредств Президента РФ, образованных в федеральных округах), в передаче части полномочий «сверху» от центра и «снизу» от территорий, с государственным контролем и арбитражем со стороны федерального центра (в противном случае нарастающая дезинтеграция превратила бы пространство страны в подобие плазмы с последующей консолидацией ее вокруг одного или нескольких ядер») [13, с. 30].

Четвертая задача была связана с движениями националистической направленности, поскольку внесистемные движения – это и «протестные движения, проповедующие экстремизм и радикализм как основную форму своей деятельности...» [8, с. 39]. Государственные институты (прокуратура, СК, МВД, Минюст, суды), если выразиться не совсем корректно, «пускали дурную кровь» и в национализме титульной нации, и в национализме этнических меньшинств, способствуя разрядке межэтнической и межконфессиональной напряженности.

В рамках пятой задачи государство в своей деятельности перенаправило конструктивную составляющую на политическое развитие («три компонента политического развития: нормы, права и подотчетность власти») [20, С. 394]), прежде

¹Прим.: Львов А.Г. Введение в теорию конфликтов // Мир политики: Суждения и оценки западных политологов. Сборник статей / Пер. с англ., нем., исп., венг., итал. / Сост. Киселева Е.А. – М., 1992. – С. 117.

всего на этнокультурное развитие народов России¹. В этом отношении достаточно упомянуть один пример: за девять лет – с 2007 по 2015 год – Чечня получила в виде «субсидий, субвенций и дотаций 539 млрд. рублей. Их ежегодный объем в среднем составлял 63 млрд. рублей, и по этому показателю республика в тройке самых дотационных регионов. Больше в 2013–2014 гг. получили только Дагестан и Якутия. Для сравнения: 160 млрд. рублей государство к этому времени выделило на строительство самого дорогого в мире космодрома «Восточный»².

В чем же заключается «острота угла» в контексте сравнения федеральных стратегий и республиканских концепций? Во-первых, до сих пор не было издано ни одной концепции по сохранению русской идентичности – идентичности коренного населения страны, которое ежегодно уменьшается в связи с социально-демографическими проблемами. Во-вторых, во всех документах на республиканском уровне отдается приоритет титульной нации данных субъектов страны, национальному языку и традициям. Причем активное внедрение национальных языков зачастую идет за счет сокращения часов русского языка в школах. Так, например, в 2018–2019 гг. в Татарстане недовольная родительская общественность писала многочисленные обращения к президенту В. Путину с просьбой разобраться с ситуацией в общеобразовательных школах, когда детей насильно пытались обучить татарскому языку за счет сокращения часов русского языка и литературы. В свою очередь, этнократический режим Татарстана выступал против вмешательства в лингвистические процессы в республике, поскольку по региональной конституции в субъекте РФ два языка существуют и должны использоваться на паритетных началах.

В-третьих, согласно изученным федеральным концепциям и стратегиям, в Российской Федерации приоритет отдается строительству гражданской нации. При этом на региональном уровне в подобных документах акцент делается на сохранении и укреплении именно этнической идентичности, что идет вразрез с запросами центральных властей. Подобные противоречия в краткосрочной и среднесрочной перспективе могут стать причиной обострения межнациональных противоречий и усиления центробежных трендов, поскольку у федерального центра и национальных республик диаметрально разные взгляды на нациестроительство.

¹ Прим.: Если рассматривать влияние национализмов через призму политического развития – то, на что указывает Р. Х. Чилкотт, то «национализм влияет на экономическое развитие (с помощью требования более высоких уровней и через большое разнообразие производства и потребления, эгалитарное распределение и многоуровневую специализацию); на социальное развитие (посредством осознания разрывов между классами и потенциала мобилизации и агрегирования); а также на культурное и психологическое развитие (с помощью учебы как повседневными, так и передающимся из поколения в поколение опытом совместных жизни и мышления)»// Цит.: Чилкотт Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Пер. с англ. – М.: ИНФРА-М, издательство «Весь мир», 2001. – С. 313.

² Прим.: Исследование РБК: 20 фактов о Чечне. – URL: <https://clck.ru/9hrde> (дата обращения: 03.02.2016).

**Оценка исторических событий как камень преткновения:
шестой «острый угол»**

Еще одним спорным моментом в реализации государственной национальной политики в Российской Федерации является оценка разными акторами политического процесса тех или иных событий и явлений культурной и исторической действительности.

Современные публицисты и политологи часто задаются вопросом: возможно ли издание общего для всей страны учебника истории? Исток у такого вопроса один – могут ли в «русских» и «нерусских» субъектах одинаково подойти к оценке явления татаро-монгольского ига, переселения народов в советские годы, «парада суверенитетов» 90-х годов и чеченских кампаний? Это лишь несколько наиболее спорных событий с точки зрения оценки их представителями различных этносов. И отсутствие консенсуса по ним в «русских» и «нерусских» регионах несет в себе серьезный конфликтогенный потенциал.

Как мы отметили выше, первым спорным событием является татаро-монгольское иго. Так, например, в Татарстане период с 1240 до 1480 год не принято считать игом в негативной коннотации. Наоборот, в десятые годы представители ряда партий и движений националистической направленности проводили акции, приуроченные к сожжению русских городов в XIII – XV вв. Например, 2013 год татарской организацией «Азатлык» был объявлен годом Батыя – того самого хана-завоевателя, который сжигал русские города, а также был инициатором уничтожения Волжской Булгарии, которая считается местом зарождения татарской нации¹. Организация планировала провести ряд акций, которые должны были напомнить о завоеваниях Батыя, в том числе инсценировать сожжение Рязани. Основная цель – напомнить «татарам о периодах великой истории, когда от топота коней татарских воинов дрожала от страха вся степь, Русь и Европа».

Но это не единственный пример специфического отношения радикально настроенных групп общественности к общеисторическим событиям, имевшим место на территории РФ. Так, 2012 год был объявлен теми же националистами из «Азатлыка» годом Батырши – предводителя башкирского восстания 1755 года, который объявил джихад против Российской империи. В рамках «празднования» активистами была подготовлена масса печатной продукции, посвященной столь неоднозначной исторической личности, в создании которой принимала участие лидер партии «Иттифак» Ф. Байрамова, дважды осужденная условно по 282-й статье УК РФ. Заметим, что данное мероприятие ежегодно активно поддерживается региональными СМИ и телеграм-каналами, в частности порталами «Idel Реалии» и «Реальное время», а также официальными новостными порталами, которые финансируются правительством республики. Параллельно заметим, что, несмотря на полноценное раз-

¹ Прим.: Поснов Г. Второе нашествие Батыя [Электронный ресурс]. – URL: https://www.ng.ru/regions/2013-01-15/3_kartblansh.html (дата обращения: 07.08.2021).

решение акций татарских националистов, «Русские марши» в регионе практически не проводились и всегда носили нелегальный характер, а активисты преследовались органами правопорядка.

Еще одно по-разному оцениваемое событие в «русских» и «нерусских» регионах – взятие Казани царем Иваном Грозным. Активисты татарских партий и движений националистической направленности называют и отмечают его как День памяти. Ключевой месседж мероприятия – отметить ущемленность в правах татарского народа, который потерял свою независимость. Наиболее многочисленным стало мероприятие 2015 г., все главные спикеры которого были осуждены либо за призывы к межнациональной и межрелигиозной розни (282-я статья УК РФ), либо по 280-й статье УК РФ (призывы к сепаратизму). Кроме того, активисты отмечали, что положение Татарстана схоже с Каталонией и Шотландией, поэтому республиканские власти должны отстаивать свою независимость. Еще одно требование – установка памятника в честь защитников Казани¹.

В 2019 году произошел еще один конфликтогенный инцидент. Депутат Государственной Думы от Калужской области Геннадий Скляр внес поправку в Федеральный закон «О днях воинской славы и памятных датах России». Он выступил с инициативой общенационального празднования официального окончания татаро-монгольского ига – Стояния на Угре, которое произошло в ноябре 1480 г. Данная инициатива получила широкий общественный резонанс, поскольку у нее нашлись как сторонники, так и противники. И последние были из Госсовета Татарстана². Как отметил председатель комитета по образованию и национальным вопросам Р. Валеев, подобная инициатива может рассматриваться «как экстремистская». Директор Института татарской энциклопедии и регионоведения И. Гилязов полагал, что празднование этой даты заставит русских чувствовать себя победителями татар, а последние будут унижены. Вместе с тем с поддержкой инициативы депутата Г. Скляра выступило более половины регионов страны, в числе которых были Мордовия и Дагестан.

Помимо татаро-монгольского ига, неоднозначную оценку получило даже празднование Дня Победы. Так, в 2015 году татарские националисты призывали бойкотировать празднование 9 Мая, Дня защитника Отечества и ряда других общенациональных праздников, которые, по мнению представителей «Азатлыка», ущемляют права и свободы татарского народа.

Таким образом, исторические события многовековой давности до сих пор становятся в Российской Федерации «острыми углами», поскольку вызывают споры вокруг как оценки самого события, так и его влияния на общеисторический контекст

¹ Прим.: В Казани татарские националисты провели «День памяти» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/27301729.html> (дата обращения: 07.08.2021).

² Парламент Татарстана выступил против празднования свержения татаро-монгольского ига [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.svoboda.org/a/30131106.html> (дата обращения: 07.08.2021).

развития страны. Вместе с тем об успешности работы лоббистов в образовательной сфере из Республики Татарстан можно судить по тому факту, что с 2015 года в учебниках истории исчезло понятие «татаро-монгольское иго», которое было заменено на «зависимость от Золотой Орды» или на «ордынское иго»¹. С одной стороны, данный факт может рассматриваться как стремление к межнациональному миру и согласию, уступка одному из самых беспокойных с этноконфессиональной точки зрения региону. С другой стороны, можно рассматривать данное событие как попытку переписывания истории, против чего борются все организации по защите памяти. Кроме того, возникает опасность изменения точки зрения не только на татаро-монгольское иго, но и на завоевание Казани Иваном Грозным, на события 90-х годов и дальнейшее усиление сепаратистских тенденций, которые проявляются в числе прочего в лингвистических спорах в регионе.

Подводя итоги статьи, можно сделать ряд важных выводов. *Во-первых*, в настоящее время государственная национальная политика не может считаться успешно реализованной, что объясняется чрезмерным количеством конфликтных ситуаций, возникающих в разных регионах страны. *Во-вторых*, до сих пор не найден консенсус по вопросу, какой подход к реализации государственной национальной политики в стране должен считаться ключевым – примордиалистский или конструктивистский, что лишь усугубляет проблему этнических конфликтов.

В-третьих, понятие «российская нация» до сих пор является достаточно дискуссионным, поскольку представители национальных республик не готовы считать себя россиянами в первую очередь, забывая о собственной этнической идентичности. Кроме того, сама концептуальная составляющая понятия является достаточно абстрактной и, по сути, преследует только одну цель – отказ русских от собственной идентичности взамен на гражданскую составляющую. *В-четвертых*, проблемы при реализации государственной национальной политики выражаются в асимметричном характере федеративного устройства страны. В частности, в объеме полномочий, которые получают национальные республики в противовес тем регионам, где титульной нацией являются русские. Зарубежный исследователь А. Хайнеманн-Грюдер отмечает, что этнический федерализм, который присущ современной Российской Федерации, является «сложной и весьма противоречивой системой»².

В-пятых, концептуальное оформление стратегий и иных документов, регулирующих сферу межнациональных отношений в Российской Федерации, показывает серьезные диспропорции и идеологические противоречия, подтверждающие неготовность национальных республик следовать по пути формирования общегосудар-

¹ Прим.: В школах отменили татаро-монгольское иго [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.evening-kazan.ru/articles/v-shkolah-otmenili-tataro-mongolskoe-igo.html> (дата обращения: 07.08.2021).

² Прим.: Хайнеманн-Грюдер А. Этнический федерализм в сравнительном ракурсе // Федерализм и этническое разнообразие в России: Сб. ст. под ред. И. Бусыгиной и А. Хайнеманн-Грюдера. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 204.

ственной идентичности россиян. Например, в «Стратегии государственной национальной политики до 2025 года» отмечается, что к моменту ее завершения в государстве должны окончательно оформиться гражданская нация, российская идентичность с учетом прав и интересов национально-культурных автономий (это касается всех наций и этносов на территории страны, кроме русских). Параллельно в различных концепциях сохранения идентичностей в национальных республиках упор делается не просто на «сохранение», но и на приумножение числа сторонников титульной для этих субъектов нации или этноса, увеличение лиц, говорящих на традиционных языках и следующих обрядам и традициям этих республик. Вызывает вопросы и объем средств, выделяемых на реализацию подобных положений из федерального бюджета (об этом подробно написано в соответствующем параграфе).

В-шестых, в настоящее время в историко-культурной картине Российской Федерации слишком много событий, которые вызывают двоякую трактовку в различных регионах страны. Общность исторического прошлого, декларируемая на бумаге, не всегда соответствует действительности, вызывая неоднозначную реакцию в отдельных субъектах России. Кроме того, в последние несколько лет в Татарстане с новой силой обострился языковой вопрос: на федеральном уровне было принято решение отказаться от обязательного изучения языков нацреспублик и изучать их только по желанию, а вот в Татарстане данный шаг расценили как попытку размыть татарскую нацию, заставив ее отказаться от одного из ключевых признаков ее единства.

В-седьмых, несмотря на стремление построить в стране гражданскую нацию без этнического компонента, до сих пор в национальных республиках сильны местные этнократии, которые существуют как в исполнительной власти, так и в органах правопорядка. И эффективность работы такой системы, в частности, проявляется в том, что, несмотря на все федеральные запреты, в стране до сих пор официально существуют два президента – Российской Федерации и Республики Татарстан. И последний не готов отказываться от данного наименования своей должности.

Таким образом, на наш взгляд, преждевременно говорить о том, что в Российской Федерации созданы все условия для формирования гражданской нации, поскольку в государстве пока нет выверенной и эффективно реализуемой в национальных республиках концепции государственной национальной политики, а также федерального ведомства, которое отвечает за ее реализацию равномерно во всех субъектах страны.

Библиография:/ References:

1. Булавин А.В. и др. Мировая политика. Передовые рубежи и красные линии: монография. – М.: РИО Российской таможенной академии, 2018. – 456 с.
2. Воронова О., Трушин А. Современные информационные войны: стратегии, типы, методы, приемы. – М.: Аспект Пресс, 2021. – 176 с.

3. Кеохейн Р. Международные отношения: вчера и сегодня // Политическая наука: новые направления. – М., 1999. – С. 438-450.
4. Косачев К.И. Россия и Запад: наши разногласия // Россия в глобальной политике. – 2007. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-zapad-nashi-raznoglasiya/>
5. Лобанова Д. Концептуальные подходы к определению силы в международных отношениях // Международные процессы. – 2017. – Т. 15. – № 2 (49). – С. 77-88.
6. Будаев А.В., Демидов А.В. и др «Мягкая сила» в мировой политической динамике: учебно-методическое пособие. – М.: «Известия», 2015. – 207 с.
7. Най С. Джозеф (младший) Будущее власти: как стратегия умной силы меняет XXI век. – М.: АСТ, 2014. – 444 с.
8. Полунин А. НАТО: курс на гибридную войну. Что дает альянсу новая стратегия борьбы с Россией? – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/137300/>
9. Путин В.В. Выступление на совещании послов и постоянных представителей РФ за рубежом (09.07.2012). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>.
10. Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. – 2012. – 27 февраля.
11. Ратцель Ф. Народоведение. В 2-х т. – СПб: Тип. «Просвещение», 1903.
12. Роль технологий «мягкой силы» в информационном, ценностно-мировоззренческом и цивилизационном противоборстве. – М.: Изд-во «Экон-Информ», 2016. – 306 с.
13. Шаклеина Т.А. Какая Америка нужна миру? // Международные процессы. – 2018. – Т. 16. – № 1. – С. 40-52.
14. Фридман Дж. Горячие точки. Геополитика, кризис и будущее мира. – СПб.: Питер, 2016. – 398 с.
15. Челлен Р. Государство как форма жизни / пер. со швед. М.А. Исаева. – М.: Изд-во: РОССПЭН, 2008. – 319 с.
16. Aron, Raymond (1984) *Paix et guerre entre les nations*. Paris: Calmann-Levy. – 794 p.
17. Cline, Ray S. (1976) *World power assessment: A calculus of strategic drift*. - Washington: Georgetown univ. Center for strategic a. intern. studies. – 173 p.
18. Dahl, Robert A. (1957) *The Concept of Power*. Behavioral Science, 2:3, July, pp. 201-215.
19. Fukuyama, Francis (1989) *The End of History?* The National Interest, 16, (Summer), pp. 3-18.
20. Hart, Jeffrey (1976) *Three approaches to the measurement of Power in international relations*. International Organization, Vol. 30, 2, Spring, pp. 289 – 305.
21. Keohane, Robert O. and Joseph S. Nye (1998) *Power and Interdependence in the Information Age*, Foreign Affairs, September/October, pp. 81-94.
22. Keohane, Robert O. and Nye, Joseph S. (1977) *Power and Interdependence: World Politics in Transition*. - Boston: Little, Brown and Co. – 268 p.

23. Kissinger, Henry A. (1977) *American Foreign Policy*, 3rd ed. - NY: W.W. Norton & Co. - 143 p.
24. Knorr, Klaus E. (1975) *The Power of Nations*. – NY: Basic Books. – 353 p.
25. Lucas, Edward and Pomerantsev, Peter I. (2016) *Winning the Information War: Techniques and Counter-Strategies to Russian Propaganda in Central and Eastern Europe*. - Washington: CEPA. – 70 p.
26. Mackinder, Halford J. *Democratic Ideals and Reality*. NY: Holt, 1996. – 219 p.
27. Morgenthau, Hans J. (1978) *Politics Among Nations: The Struggle for Power and Peace*. 5th Edition, Revised, New York: Alfred A. Knopf. – 650 p.
28. Nye, Joseph S. (1990) *Bound to Lead: The Changing Nature of American Power*. - NY: Basic Books. – 307 p.
29. Nye, Joseph S. (1998) *The Changing Nature of World Power / The Global Agenda. Issues and Perspectives*. - Boston: McGraw-Hill. – 498 p.
30. Nye, Joseph S. (2004) *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. - NY: Public Affairs. – 208 p.
31. Nye, Joseph S. (2009) *Get Smart: Combining Hard and Soft Power*. *Foreign Affairs*, Vol. 88, № 4, pp. 160-163.
32. Nye, Joseph S. (2018) «How Sharp Power Threatens Soft Power. The Right and Wrong Ways to Respond to Authoritarian Influence» // URL: <https://www.foreignaffairs.com/>
33. Scheuerman, William E. (2009) *Hans Morgenthau: Realism and Beyond*. - Cambridge, UK: Polity. – 257 p.
34. Strange, S. (1989) *Toward a Theory of Transnational Empire. Approaches to World Politics for the 1990s*. - Lexington (Mass.). – Pp. 161-176.
35. Walker, Ch. and Ludwig, J. (2017) «The meaning of sharp power. How authoritarian states project influence», *Foreign Affairs*, November 16 // URL: <https://www.foreignaffairs.com/>
36. Waltz, Kenneth N. (1979) *Theory of International Politics*. L.: Addison-Wesley Publishing Co. – 251 p.
37. Wolfers, Arnold. *Discord and Collaboration: Essays on International Politics*. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1962. – 283 p.
1. Bulavin, A.V. i dr. (2018) *Mirovaia politika. Peredovye rubezhi i krasnye linii: monografiia* [Global politics. Leading frontiers and red lines]. – M.: RIO Rossiiskoi tamozhenoii akademii. – 456 p. (In Russ.)
2. Voronova, O., Trushin, A. (2021) *Sovremennye informatsionnye voiny: strategii, tipy, metody, priemy* [Modern information warfares: strategies, types, methods, techniques]. – M.: Aspekt Press. – 176 p. (In Russ.)
3. Keokhein, R. (1999) *Mezhdunarodnye otnosheniia: vchera i segodnia* [International relations: yesterday and today] // *Politicheskaia nauka: novye napravleniia* [Political science: new directions]. – M. – P. 438-450. (In Russ.)

4. Kosachev, K.I. (2007) Rossiia i Zapad: nashi raznoglasii [Russia and the west: where the differences lie] // Rossiia v global'noi politike [Russia in global affairs]. – № 4. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-i-zapad-nashi-raznoglasiya/> (In Russ.)
5. Lobanova, D. (2017) Kontseptual'nye podkhody k opredeleniiu sily v mezhdunarodnykh otnosheniakh [Conceptual approaches to the definition of strength in international relations] // Mezhdunarodnye protsessy [International processes]. – T. 15. – № 2 (49). – P. 77-88. (In Russ.)
6. Budaev, A.V., Demidov, A.V. i dr (2015) «Miagkaia sila» v mirovoi politicheskoi dinamike ["Soft power" in global political dynamics]: uchebno-metodicheskoe posobie. – M.: «Izvestiia». – 207 p. (In Russ.)
7. Nai, S. Dzhozef (mladshii) (2014) Budushchee vlasti: kak strategii umnoi sily meniaet XXI vek [The future of power: how smart power strategy is changing the 21st century]. – M.: AST. – 444 p. (In Russ.)
8. Polunin, A. NATO: kurs na gibridnuiu voinu. Chto daet al'iansu novaia strategii bor'by s Rossiei? [NATO: Course Towards Hybrid Warfare. What does the new strategy of fighting Russia give the alliance?]. – URL: <https://svpressa.ru/politic/article/137300/> (In Russ.)
9. Putin, V.V. (2012) Vystuplenie na soveshchanii poslov i postoiannykh predstavitelei RF za rubezhom [Speech at the Meeting of Ambassadors and Permanent Representatives of the Russian Federation Abroad] (09.07.2012). – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/15902>. (In Russ.)
10. Putin, V.V. (2012) Rossiia i meniaiushchiisia mir [Russia and the changing world] // Moskovskie novosti [Moscow News]. – 27 fevralia. (In Russ.)
11. Rattsel', F. (1903) Narodovedenie [Ethnology]. V 2-kh t. – SPb: Tip. «Prosveshchenie». (In Russ.)
12. Rol' tekhnologii «miagkoi sily» v informatsionnom, tsennostno-mirovozzrencheskom i tsivilizatsionnom protivoborstve [The role of soft power technologies in information, value-world outlook and civilizational confrontation]. – M.: Izd-vo «Ekon-Inform», 2016. – 306 p. (In Russ.)
13. Shakleina, T.A. (2018) Kakaa Amerika nuzhna miru? [What kind of America does the world need?] // Mezhdunarodnye protsessy [International processes]. – T. 16. – № 1. – P. 40-52. (In Russ.)
14. Fridman, Dzh. (2016) Goriachie tochki. Geopolitika, krizis i budushchee mira [Hot Spots. Geopolitics, crisis and the future of the world]. – SPb.: Piter. – 398 p. (In Russ.)
15. Chellen, R. (2008) Gosudarstvo kak forma zhizni [State as a form of life] / per. so shved. M.A. Isaeva. – M.: Izd-vo: ROSSPEN. – 319 p. (In Russ.)